

К 90-летию Магнитогорска

Первая пекарня Магнитостроя, 1929 год

Продолжение.
Начало в № 161

«По первому году строительства, – писал Андрей Иванович в своих воспоминаниях, – создано глубокое убеждение, что большинство из нас, даже инженерно-технический персонал, не представляли, каким грандиозным должен стать наш будущий завод и какие силы и средства потребуются для его постройки».

«Вот примеры, – продолжал Сулимов. – Работники Уралоблсоюза при отправке меня на площадку решили, что для снабжения рабочих на стройке достаточно будет 25 тысяч рублей. Но уже в октябре-ноябре того же 1929 года реальная потребность в деньгах на эти цели выросла до одного миллиона с лишним рублей. Хлебопекарню, посчитали в управлении строительством и в том же Уралоблсоюзе, достаточно построить производительностью 3000 килограммов хлеба в сутки. Фактическая же потребность стройки в хлебе в конце первого года строительства составила восемь-девять тысяч килограммов в сутки. Первоначально управление строительством планировало, что завод будет возведён силами 10 тысяч строителей, поэтому для их размещения планировалось возвести всего 100 барачков. А на самом деле в зиму 1929–1930 годов в них и в другом построенном наспех жильё пришлось размещать в несколько раз больше народу».

Не могу не процитировать ещё одну, весьма примечательную часть воспоминаний Андрея Сулимова. «Планированием самого строительства руководящий технический персонал не занимался, – безапелляционно заявляет Андрей Иванович. – В зимний план строительства 1929–1930 годов не была, например, включена постройка дополнительной электростанции, не было посчитано, сколько ещё понадобится электроэнергии для стройки. Не включили в план строительство столовых, второго хлебозавода и других объектов обслуживания. И только после того, как местные организации указали на эти недостатки, объекты, кроме электростанции, буквально за два-три часа включили в план с указанием необходимого количества плотников, каменщиков и рабочих

Первый магнитогорец

Магнитка сыграла переломную роль в его судьбе, но он остался верен ей до конца

других специальностей. Но ни чертежей, ни смет на возведение этих объектов не было.

Основная причина возмутительной бесплановости состояла в том, что первое руководство строительством попало под влияние группы вредителей, которая всячески тормозила развитие будущего гиганта. Как известно, эти вредители получили по заслугам». Вот так.

Выводы сделаны в духе классовой борьбы, которая беспощадно велась в тот период на всех фронтах социалистического строительства и, естественно, на всех великих стройках

Думается, что это отношение было сформировано обстоятельствами. В противном случае Сулимову вполне могли припомнить все прегрешения, начиная с «оппортунистических злодеяний» на посту председателя центрального рабочего кооператива на Магнитострое, которые были вскрыты в первом же номере «Магнитогорского рабочего».

На вечер воспоминаний в мае 1933 года заведующий производственным отделом «Магнитогорского рабочего» Е. И. Корин, приехавший на Магнитострой ещё в двадцать девятом году как корреспондент Троицкой окружной газеты «Вперёд», рассказал о той скандальной статье следующее:

«...За несколько дней до выхода газеты на Магнитострое был вскрыт гнойник в центральном рабочем кооперативе. Председателем, кажется, работал Сулимов. Аппарат был чрезвычайно засорён чуждым элементом – бывшими офицерами, куцками. Были большие наценки на товары, в то время как дефицит портился на складах и потребителю не доставался, были кражи и перерасход средств. Мы, конечно, не могли мириться с этим делом и в первом номере закатали дробильную статью, в которой

говорили об оппортунистической практике работы кооператива, о разложении, требовали соответствующих мер, указывали пути, как нужно бороться по-партийному. Приблизительно часов в 11 вечера появился первый оттиск газеты. Его отправили с заведующим типографией к представителю обллита, без разрешительной визы которого не могла выйти ни одна печатная продукция. Он смотрит на газету и ничего не может понять. Набравшись храбрости, он отправился в районный комитет партии. Там набросились на нашу газету. Часа через полтора сообщают по телефону, что нужно внести серьёзные поправки, что районный комитет партии возражает против помещения статьи о кооперации. Спор по телефону продолжался долго. Редактор Чистов – твёрдый человек, настаивал на своей позиции. Тогда ему передали: если не подчинишься директиве райкома партии, то завтра будешь иметь дело, а газета будет арестована. Посовещавшись, решили, что в первом номере этот материал помещать не будем, но и на правки не согласимся, а на другой день напечатать статью, не отправляя оттиск в обллит. Утром послали в окружной комитет партии телеграмму следующего содержания: «Первый номер вышел с опозданием. Были попытки районного комитета задержать выход газеты. Мы разоблачили грубейшее нарушение политики партии в местной рабочей кооперации и протестовали против примиренческого отношения некоторых работников районного комитета партии к основным вывихам кооперации».

После этого случая в редакции «Магнитогорского рабочего» было проведено совещание партийных работников, на котором приняли особое решение, суть которого сформулировали так: «Магнитогорский рабочий» должен помещать исключительно проверенный материал. Это значит, что все рабкорские письма, которые шли к нам, мы не должны публиковать прежде, чем не расследуем их, а также чтобы все статьи и заметки

от первой до последней строчки были правильными. И это в тот период, когда Сталин говорил о пяти процентах правды... Установка на 100 процентов правды вела к зажиму инициативы рабочих писать в газету».

Для журналистов старой школы, соблюдающих требования профессиональной этики, эти признания представителя первой редакции газеты звучат дико

Действительно, вождь народов в одном из своих выступлений учил, что для критики в печати достаточно и пяти процентов правды. Эта установка и дала основание для безудержной критики в средствах массовой информации, а также с трибун различных собраний, конференций, пленумов и съездов. Обильным потоком сыпались тогда в различные органы самые грязные доносы, подписанные авторами, а чаще анонимные.

И надо помнить, что безграмотное в основной массе население огромной многонациональной страны, ещё не оправившейся от войны и потрясений, было искусственно разделено идеологически барьерами.

Сулимов, как человек долга, просто продолжал выполнять порученное ему дело. А оно становилось всё сложнее и тяжелее, поскольку рабочего люда прибывало гораздо больше, чем предусматривалось первоначальными планами. Сулимов был склонен объяснять успешные темпы строительства на первоначальном этапе ошибками в планировании, которые, по его мнению, намеренно допускало первое руководство Магнитостроя. В первоначальном плане книги «История Магнитогорского металлургического комбината» на отдельных руководителей стройки были приклеены ярлыки «вредителей» и «врагов». Возможно, хорошо, что эта книга так и не увидела свет. Иначе по сей день

тиражировались бы огульные выводы и обвинения.

До конца 1932 года Андрей Сулимов продолжал заниматься продовольственным снабжением, но уже в должности заместителя начальника Магнитостроя по рабочему снабжению. Под конец того же года надолго слёг на больничную койку, крепко простудившись в бесконечных поездках в поисках новых поставок продовольствия для строителей гиганта. В июне 1933 года приказом по Магнитострою его назначили начальником строительства второй плотины. И она была построена, как говорится, без шума и пыли, без героических штурмов, хотя сроки были установлены жёсткие, поскольку первая плотина оказалась крайне ненадёжной и в любой момент могла стать источником большой беды.

После успешного завершения строительства Андрею Ивановичу поручили возглавить другой тяжелейший участок Магнитостроя – автотранспортное управление, видимо, учитывая его опыт службы в автотранспортных частях Красной Армии.

А в 1935 году Сулимов был назначен начальником Кусимовского марганцевого рудника. Спустя ещё два года его обвинили в том, что он брал на работу бывших махновцев. И по печально известной 58-й статье приговорили к двадцати годам лагерей. Двух месяцев не дотянул он до назначенного срока, как подоспело разоблачение культа личности Сталина. После освобождения Сулимов вернулся в Магнитку. Пройдя через тяжелейшие испытания лютыми магаданскими холодами и голодом, не растерял он лучшие человеческие качества. Выйдя на пенсию, начиная с 1959 года, много лет возглавлял общественную приёмную «Магнитогорского рабочего», где под его руководством верой и правдой служили торжеству справедливости заслуженные люди, многие из которых были первостроителями Магнитки. Горожане обращались в приёмную как в последнюю инстанцию. Андрей Иванович добивался от своих соратников, чтобы каждая проблема и каждый спорный вопрос, с которыми шли читатели, были изучены самым тщательным образом. За это отношение и уважали магнитогорцы общественную приёмную «Магнитки», как они по-родственному называли свою газету.

Миндихан Котлухужин